

О ВАРИАТИВНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

Статья представляет собой попытку создания номенклатуры междискурсных отношений в тексте на материале детской художественной литературы. В основу классификации кладется уровень дискурса, на который приходится маркер смены дискурса.

Ключевые слова: дискурс; маркер; гетерогенность; диалогичность.

Некоррелятивность текста и дискурса проявляется во многих аспектах, из которых мы сосредоточимся на том, что один текст может включать в себя элементы разных дискурсов. Это явление нашло отражение в таких понятиях, как *интердискурсивность* [1–4], *полидискурсивность* [5, 6], *интерференция дискурсов* [7], *составной дискурс* [8].

Не вдаваясь в рамках настоящей статьи в анализ и сопоставление вышеприведенных понятий, мы будем придерживаться нейтрального и прозрачного термина *дискурсивная гетерогенность*.

Но прежде чем приступить к рассмотрению междискурсных отношений, необходимо определить наше понимание такого неоднозначного термина, как *дискурс*. Здесь мы присоединяемся к точке зрения Ю.С. Степанова, определившего дискурс как «особое использование языка <...> для выражения особой ментальности <...>, также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [9. С. 38]. Эта формулировка вскрывает не только сущность, но и структуру дискурса, в которой выделяется два уровня – ментальный и поверхностный. Первый, для него мы принимает терминологическое обозначение, предложенное Т. ван Дейком – *макроструктура* – являет собой «абстрактное семантическое описание глобального содержания дискурса» [10. С. 41]. Второй, обозначаемый тем же ван Дейком как *суперструктура*, задает общую форму дискурсу и имеет ограничения в зависимости от типа дискурса, т.е., определенной макроструктуре обычно соответствует определенная же суперструктура. Таким образом, дискурс предстает перед нами как единство содержания – знаний дискурсантов о некотором фрагменте действительности, и формы – языковых средств, служащих для вербализации этих знаний.

Теперь настало время дать рабочее определение *дискурсивной гетерогенности*, под которой понимается введение в текст, относящийся к одному дискурсу, элементов других дискурсов.

Маркерами дискурсивной гетерогенности могут выступать элементы обоих уровней дискурса – макроструктуры и суперструктуры. В первом случае сигналом выступает лексика, вербализующая ядерные для дискурса концепты; во втором – правила порождения речевых произведений, относящихся к этому дискурсу – на уровне слова (морфология), предложения (синтаксис) и текста (грамматика текста).

При этом необходимо отметить, что гетерогенность – многоаспектное явление, «зонтичное» понятие, включающее различные конкретные типы отношений, в которые могут вступать дискурсы. Эти отношения столь разнообразны, что их исчерпывающая и однозначная систематизация и классификация представляется вряд ли возможной.

В.Е. Чернявская, выбрав в качестве критерия интенциональность смены дискурса, разделяет **спонтанный** и **инсценируемый** типы междискурсных отношений. Первый обусловлен естественными причинами, как то отсутствие жестких границ между областями знания и процессом интеграции знаний. В основе же второго лежит стратегия субъекта речи, намеренно, в соответствии со своей коммуникативной целью формирующего свое высказывание на основе нескольких дискурсов [1. С. 35–36]. Это, безусловно, важный момент, который мы будем учитывать в нашем анализе.

Вышеприведенное деление можно дополнить типологией по критерию уровня дискурса, на который приходится «шов» (термин В.Е. Чернявской) между дискурсами. В соответствии с этим критерием можно выделить две группы междискурсных отношений – маркируемые суперструктурно и маркируемые макроструктурно.

Суперструктурно маркируемые типы междискурсных отношений

Стилизация. Прежде всего, к первой группе отношений мы причисляем то, что лежит в основе явления стилизации, затрагивающей, как это явствует из самого термина, стиль, т.е. форму выражения, а не содержание исходного текста. Для стилизации выбираются преимущественно закрытые типы текста, характеризующиеся небольшим объемом и своеобразной суперструктурой. По частотности имитирования лидирует новостной дискурс, прежде всего, жанр коротких газетных новостей. Также отмечены стилизации телерепортажа, рекламы, объявлений-директив, официальных документов и т.д.

К маркерам стилизации можно отнести:

1. Средства воспроизведения общей архитектоники текста имитируемого дискурса.

E.g. Dear Mr. Potter,
Please note that ...
A list of books for next year is enclosed.
<...>
Yours sincerely,
Professor M. McGonagall
Deputy Headmistress (Rowling).

В данном типе текста жестко заданы начальная и конечная позиции, которые строго соблюдаются в стилизации. Также известно, что официальные письма нередко содержат приложения, отсылки к которым имеют достаточно устоявшуюся форму, воспроизведенную в приведенном примере.

Еще более ярким примером закрытого текста является адрес. И последовательность сообщаемых в нем сведений, и форма их представления являются предзаданными. И все это неукоснительно соблюдено в нижеследующем примере:

E.g. ALICE'S RIGHT FOOT, ESQ.
HEARTHTRUG,
NEAR THE FENDER,
(WITH ALICE'S LOVE) (Carroll).

Примечательно также введение сокращения Esq., употребляемого как форма вежливого обращения и ставящегося после имени адресата исключительно в этой дискурсе.

2. Грамматические особенности.

а) морфологические:

E.g. «But we're not telling you what was in there, so keep your noses out if you know what's good for you», said a Gringotts *spokesgoblin* this afternoon (Rowling).

В данном примере интерес представляет авторский неологизм *spokesgoblin*, построенный по продуктивной морфологической модели (ср. *spokesman*, *spokesperson*). В результате объединения грамматической формы одного дискурса с концептом другого это слово становится непосредственным местом шва между дискурсами.

б) синтаксические:

E.g. Sirius Black, possibly the most infamous prisoner ever to be held in Azkaban fortress, is still eluding capture, the Ministry of Magic confirmed today (Rowling).

Синтаксическая структура данного предложения, открывающего текст, стилизованный под газетную новость, типична для новостного дискурса и содержит два основных сегмента – факт и указание на источник знаний о нем.

3. Клише, являющиеся яркой визитной карточкой своего дискурса. Так, финальная фраза нижеприведенного текста, представляющая собой клише, позволяет, не читая, отнести весь текст к дискурсу рекламы.

E.g. ** THE FIREBOLT **

THIS STATE-OF-THE-ART PACING BROOM SPORTS A STREAM-LINED, SUPERFINE HANDLE OF ASH, TREATED WITH A DIAMOND-HARD POLISH AND HAND- NUMBERED WITH ITS OWN REGISTRATION NUMBER. EACH INDIVIDUALLY SELECTED BIRCH TWIG IN THE BROOMTAIL HAS BEEN HONED TO AERODYNAMIC PERFECTION, GIVING THE FIREBOLT UNSURPASSABLE BALANCE AND PINPOINT PRECISION. THE FIREBOLT HAS AN ACCELERATION OF 150 MILES AN HOUR IN TEN SECONDS AND INCORPORATES AN UNBREAKABLE BRAKING CHARM. PRICE ON REQUEST (Rowling).

Контрастное отношение. Диалог между дискурсами также может основываться на отношении не смежности, а контраста, при котором элементы суперструктуры, свойственной одному дискурсу, вступают в противоречие с элементами макроструктуры, относящейся к другому дискурсу.

С одной стороны, данный тип междискурсных отношений не попадает ни в одну из указанных групп, т.к. основывается на рассогласовании суперструктуры, характерной для одного дискурса, и макроструктуры, относящейся к другому дискурсу. Тем не менее мы склонны причислять данный тип отношений к первой группе, т.к. это явление представляется нам достаточно близким стилизации. Здесь мы также наблюдаем воспроизведение наиболее существенных формальных особенностей дискурса. Отличие заключается в том,

что стилизуемая суперструктура оформляет чуждую ей макроструктуру.

В качестве примера можно привести целую главу из романа Н. Джастера «Мило и его волшебная будка». Вот выдержки из нее:

E.g. On its side in enormous white letters bordered in black was the inscription KAKOFONOUS A. DISCHORD, and below in slightly smaller black letters bordered in white was DOCTOR OF DISSONANCE.

<...>

«That's right; now let's have a look at you», he said. «T-T-T-T-T. Very bad, very bad; a serious case».

<...>

«Now, step a little closer and stick out your tongues».

«Just as I suspected», he continued, opening a large dusty book and thumbing through the pages. «You're suffering from a severe lack of noise» (Juster).

Прежде всего, дискурсная гетерогенность намечена в табличке на двери – такие элементы, как KAKOFONOUS, DISCHORD, DISSONANCE, относятся к акустическому дискурсу, а DOCTOR можно рассмотреть как концепт медицинского дискурса. Но это слабый намек, поскольку лексика, сигнализирующая акустический дискурс, обречена на неизвестность адресату произведения (ребенку), а медицинский дискурс представлен единственным и неоднозначным сигналом, чего попросту недостаточно.

Но следующий фрагмент уже однозначно относит нас своей суперструктурой к медицинскому дискурсу, вызывая прямые ассоциации с концептами *медосмотр*, *симптом*, *диагноз*.

Это предположение подкрепляется далее при требовании показать язык. Кульминацией является момент формулирования диагноза, *который* начисто опрокидывает всю выстроившуюся логику: нет такой болезни, как *severe lack of noise* (*недостаток шума в тяжелой форме*). Шум же возвращает нас к указанным выше макроструктурным сигналам KAKOFONOUS, DISCHORD, DISSONANCE.

В том же произведении находим и следующий пример:

E.g. «I thank you very much», said Faintly Macabre. «You may call me Aunt Faintly. **Here, have a punctuation mark**» (Juster).

Данный пример невозможно понять вне контекста романа, действие которого разворачивается в городе-государстве Диктиополисе (букв. Город-Словарь), основной ценностью в котором являются слова, буквы и прочие элементы и атрибуты, связанные с языком и речью. Именно поэтому пожилая дама Фейнтли Макабр «угощает» Мило знаком пунктуации. Фраза, вложенная в уста персонажа, в высшей степени стандартна и типична для ситуации общения взрослого с ребенком. Однако на месте *cookie*, *candy*, которые запрашиваются исходя из ситуации коммуникации и начала фразы, оказывается инодискурсный элемент – *punctuation mark* (*знак препинания*).

В рассказе Э. Несбит «The Book of Beasts» концепт *King*, относящийся к социальному дискурсу, последовательно входит в противоречие с суперструктурой бытового дискурса:

E.g. «Good-bye, ducky», said Nurse. «**Be a good little King now**, and say 'please' and 'thank you,' and remember

to pass the cake to the little girls, and don't have more than two helps of anything» (Nesbit).

The Chancellor said, «**Don't be a silly little King**» (Nesbit).

And the Chancellor gave the King a good shaking, and said: «**You're a naughty, disobedient little King!**» (Nesbit).

В приведенных примерах *King* стоит в типичном для бытового дискурса обороте, употребляемом взрослым по отношению к ребенку, на месте обычного *boy/girl*. К какому бы из своих потенциальных дискурсов ни относилась данная лексема, она вступает в конфликт с чуждой ей суперструктурой, порождая эффект обманутого ожидания, лежащий в основе юмора.

Макроструктурно маркируемые типы междискурсных отношений

Потенциальная гетерогенность. Данный вид междискурсных отношений представляет собой потенцию языковой единицы относиться к разным дискурсам, актуализируя в них разные значения. В основе потенциальной гетерогенности могут лежать:

1. Многозначное слово, вербализующее разные концепты, относящиеся к разным дискурсам.

E.g. «You have committed the following **crimes**», he continued: «having a dog with an unauthorized alarm, sowing confusion, upsetting the applecart, wreaking havoc, and mincing words».

«Now see here», growled Tock angrily.

«And **illegal** barking», he added, frowning at the watchdog. «It's **against the law** to bark without using the barking meter. Are you ready to be **sentenced**?»

«Only a **judge** can sentence you», said Milo, who remembered reading that in one of his schoolbooks.

«Good point», replied the **policeman**, taking off his cap and putting on a long black robe. «I am also the judge. Now would you like a long or a short **sentence**?»

«A short one, if you please», said Milo.

«Good», said the judge, rapping his gavel three times. «I always have trouble remembering the long ones. How about *I am*? That's the shortest sentence I know» (Juster).

В данном примере серия концептов, выделенных нами жирным шрифтом, последовательно актуализирует правовой (юридический) дискурс, к которому относится и концепт, вербализуемый словом *sentence*. Это многозначное слово, о чем свидетельствуют данные словаря [11. С. 952]:

1) A group of words that usually contains a subject and a verb, and expresses a complete idea. Sentences written in English begin with a capital letter and usually end with a full stop or a question mark.

2) A punishment that a judge gives to someone who is guilty of a crime.

При этом среди типичных словосочетаний словарь дает:

– stiff/heavy/long sentence (=a long time in prison);

– light/short sentence (=a short time in prison).

Концепты *judge*, *crime*, присутствующие даже в дефиниции, наряду с не менее однозначными *illegal*, *law*, устойчивые сочетания с *short / long* снимают многозначность *sentence*, актуализируя второе из приведен-

ных значений, относящее его к юридическому дискурсу. Такая концентрация однозначных маркеров одного дискурса неизбежно приводит к ярко выраженному эффекту обманутого ожидания при актуализации другого значения *sentence* – «предложение», неожиданно помещающего его в языковедческий дискурс. Элементы, выступающие маркерами этого дискурса, мы выделили курсивом. Смену дискурса сигнализирует лишь один маркер *I am*, призванный служить вербализацией / иллюстрацией *short sentence*. Когерентность текста заставляет читателя ожидать уточнения срока заключения, но когнитивную связность повествования нарушает смена дискурса, в рамках которого *short sentence* уже понимается как «короткое предложение». Невозможность иначе увязать *short sentence* и *I am* не оставляет читателю иного варианта прочтения, пусть даже оно противоречит его ожиданиям, порожденным ранее развертываемой когнитивной моделью.

2. Многозначная фраза, которая может пониматься идиоматично и буквально. Отличительной чертой фразеологизма является невыводимость его значения из значений составляющих его слов. В то же время большое число таких выражений имеют омонимы в виде свободных сочетаний. Омонимии снимает контекст, позволяющий определить, к какому дискурсу относится данное выражение и, соответственно, какое из возможных значений фиксируется. Так, глава, к которой относится фрагмент, приведенный в качестве первого примера потенциальной интердискурсности на уровне слова, называется «Short Shrift». Поскольку речь в ней идет о полицейском офицере по фамилии Шриффт (Shrift), отличающемся низким ростом, данный заголовок изначально воспринимается буквально и это значение можно передать примерно как «Коротышка Шриффт». Однако по мере чтения актуализируется переносное значение данного словосочетания – короткий срок между приговором и приведением его в действие, «быстрая расправа». Этому прочтению способствует окружение, состоящее из *judge*, *sentence*, *prison*, *dungeon*, *cell* и других концептов правового дискурса. Следует отметить, что капитализация всех полных слов в заголовке является нормой письменной речи в английском языке и написание *Shrift* с заглавной буквы не указывает на то, что это слово является именем собственным, т.е. второе прочтение оказывается вполне правомерным.

Потенциальная дискурсная гетерогенность заложена в самой языковой системе, допускающей многозначность знака, репрезентирующего разные концепты в зависимости от своего дискурсного окружения. Данный вид междискурсных отношений, материализующийся в виде каламбуров, является частным случаем многоаспектного явления дискурсной гетерогенности текста, которая может носить как естественный, так и намеренно смоделированный характер.

Естественная дискурсная гетерогенность. Под естественной дискурсной гетерогенностью нами понимается естественный переход от одного дискурса к другому, обусловленный размытостью границ между ними, в каком-либо случае один и тот же концепт может относиться к разным дискурсам, входя в них в разные когнитивные модели, актуализирующие, соответствен-

но, разные смысловые компоненты в его структуре. Отличие от потенциальной гетерогенности заключается в том, что значение знака не меняется. Он репрезентирует один и тот же концепт, вступающий в разные когнитивные структуры в смежных дискурсах.

Так, граница между социальным и экономическим дискурсами очень нечетка, что обуславливает возможности взаимопереходов:

E.g. «Sire, your great-great-great-great-grandfather's death happened when my grandfather was a little boy», said the **Prime Minister**, «and since then your **loyal people** have been *saving up to buy you a crown* – so much a week, you know, according to people's means – *sixpence* a week from those who have first-rate *pocket money*, down to a *halfpenny* a week from those who haven't so much. You know it's the rule that the crown must be *paid for by the people*» (Nesbit).

Социально-политические явления, а именно смена формы общественного устройства в стране, объясняются экономическими причинами, что проявляется в смене дискурса с социального на экономический, маркируемый специальной экономической лексикой (*sixpence, halfpenny, buy, save up*).

Бытовой дискурс легко переходит в учебный, спортивный, медицинский, гастрономический дискурсы, т.к. соседствуют и взаимопересекаются фрагменты реальности, которые с ними коррелируют:

E.g. When he **woke up** next **Mama** was outside the door saying anxiously, «How is he? I hope it's not **infectious**».

«Not in the least, Madam», said the Last **Governess**.

So Mama came in... and looked at Christopher. «He seems a bit **pale**», she said. «Do we need a **doctor**?»

«I saw to all that, Madam», said the Last Governess.

«Thank you», said Mama. «Make sure it does not interrupt his **education**» (Jones).

В вышеприведенном примере переплетаются сразу три дискурса – бытовой (*woke up, Mama*), медицинский (*infectious, pale, doctor*) и учебный (*Governess, education*). При этом, благодаря естественности перехода, когерентность текста не нарушается.

Интердискурсность, основанная на искусственной смежности. Дискурсы могут и не иметь естественной области пересечения, но быть поставлены в отношения смежности с легкой руки автора, руководствующегося своим замыслом. Данный вид отношений часто наблюдается в художественной литературе как прием создания альтернативного мира произведения, устроенного по своим законам. Так, в мире, описываемом Э. Несбит, дракон и мантикора сражаются в здании почтамта (General Post Office), где последняя прячется среди утренней почты (ten o'clock mail). Победив мантикору, дракон изрыгает дым и пламя, к которым примешиваются клочки шерсти врага и обрывки заказных писем (registered letters). Т.е. отношения смежности искусственно устанавливаются между сказочно-мифологическим и социальным дискурсами, не имеющими в действительности общей границы.

Столкновение дискурсов персонажей

С иным типом междискурсных отношений мы имеем дело там, где они характеризуют общение персона-

жей – носителей соответствующих дискурсов. Э. Несбит неоднократно прибегает к этому приему, воспроизводя конфликт дискурсов персонажей, которые, образно выражаясь, «говорят на разных языках».

E.g. «Now, Nurse, dear, said the little King, «I know I'm right, so kiss me in case I never come back. I must try to see if I can't save the people».

«Well, if you must, you must», said Nurse, «but don't tear your clothes or get your feet wet».

В данном примере маленький король принимает решение сразиться с драконом, чтобы спасти от него свой народ. Это традиционный поворот сюжета волшебной сказки [12]. Ключевым концептом здесь является опасность, в сказочно-мифологическом дискурсе входящая в сценарий поединка с чудовищем. Няня же воспринимает этот концепт в контексте бытового дискурса – для нее нет ничего страшнее, чем мокрые ноги.

В следующем примере столкновение дискурсов персонажей – Кристофера и его мамы – приводит к нарушению понимания между ними:

E.g. He understood that Mama cared very urgently about his future. He knew he had to enter **Society** with the best people. But the only Society he had heard of was the **Aid to Heathen Society** that he had to give a penny to every Sunday in church, and he thought Mama meant that (Jones).

Таким образом, поместив *Society* вместо общественного в религиозный дискурс, установив ложные связи с *heathen* и *church*, Кристофер пришел к выводу о том, что мама готовит его к будущему миссионера.

Псевдодискурс. В основе данной разновидности междискурсных отношений лежит конфликт между наименованием дискурса и подлинной идентичностью:

E.g. In old, old, olden times, when all our world was just loose earth and air and fire and water mixed up anyhow like a pudding, and spinning around like mad trying to get the different things to settle into their proper places, a round piece of **earth** got loose and went spinning away by itself across the **water**, which was just beginning to try to get spread out smooth into a real **sea**. And as the great round piece of earth flew away, going around and around as hard as it could, it met a long piece of hard rock that had got loose from another part of the puddingy mixture, and the **rock** was so hard, and was going so fast, that it ran its point through the round piece of earth and stuck out on the other side of it, so that the two together were like a very-very-much-too-big spinning top.

I am afraid all this is very dull, but you know **geography** is never quite lively, and after all, I must give you a little information even in a fairy tale--like the powder in jam.

<....>

This is the end of the **geography** lesson.

Фрагмент охарактеризован как относящийся к географическому дискурсу. На уровне макроструктуры мы находим некоторые туманные маркеры названного дискурса – лексемы, потенциально относимые к географическому дискурсу (*earth, water, sea, rock*). Однако они не являются активными сигналами этого дискурса. Благодаря своей широкой семантике и сочетаемости данные лексемы могут относиться к широкому спектру дискурсов и требуют позиционирования в соответст-

вующие когнитивные структуры, позволяющие отождествить актуализируемый дискурс. Тем не менее ничто в тексте не позволяет нам выстроить никаких моделей, действительно относящихся к географическому дискурсу. Потенция, таким образом, остается нереализованной.

На уровне суперструктуры нам не позволяет отнести фрагмент к географическому дискурсу формула начала (*In old, old, olden times*), актуализирующая сказочно-мифологический дискурс. Этот сигнал невозможно проигнорировать, т.к. его усиливает целый ряд факторов:

- сильная начальная позиция;
- прием троекратного повтора, типичный для сказочно-мифологического дискурса;
- архаичная морфологическая форма *olden*, неуместная в научном дискурсе.

Сравнение, основанное на соотношении элементов разных дискурсов. Дискурсы, привлекаемые для сравнения, коррелируют с областями реальности, наиболее близкими и знакомыми ребенку. Это игровой, учебный, бытовой, природоведческий дискурсы. Данный вид гетерогенности не подразумевает развернутой системы сигналов и носит точечный характер, что обуславливает жесткие требования к однозначности и яркости вводимого для сравнения концепта и стандартизированной формальных сигналов смены дискурса, к которым относятся:

- 1) сигнал смены дискурса (уподобления);
- 2) маркер вводимого дискурса (концепт, с которым устанавливается параллель);
- 3) маркер, указывающий на связь между участниками сравнения.

Рассмотрим, как распределяются сигналы дискурсной гетерогенности в приведенных выше примерах сравнения.

E.g. Grandma Georgina ...was trumpeting and spitting like a rhinoceros (Dahl):

- 1) like;
- 2) rhinoceros;
- 3) trumpeting and spitting.

But they are greedy, grasping people, the *kind who would take four helps of pudding*, as likely as not, which neither Tom nor Mary Ann ever did (Nesbit).

- 1) the kind;
- 2) pudding;
- 3) greedy, grasping.

Таким образом, наш анализ подтверждает предположение о необходимости однозначного и избыточного маркирования смены дискурса. Даже такая точечная, неразвернутая разновидность дискурсной неоднородности обычно сопровождается системой из трех маркеров, хотя нами были отмечены и отклонения от указанного числа в обе стороны.

Подводя итог, подчеркнем, что предлагаемая типология не претендует на полноту и строгость разграничения выделяемых типов отношений между дискурсами. Эта цель, если и достижима, то в масштабе, значительно превышающем объем статьи. Мы же стремились здесь:

- проиллюстрировать сложность и многоаспектность явления междискурсной гетерогенности, являющейся, подобно интертекстуальности, зонтичным феноменом;
- показать эвристический потенциал данного исследовательского ракурса, позволяющего по-новому взглянуть на, казалось бы, исчерпывающим образом описанные явления, как, например, каламбур, стилизация и сравнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стил. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 33–42.
2. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил. Белград. 2007. С. 11–26.
3. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // Studia linguistica: Когнитивные и коммуникативные функции языка. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. Вып. 13. С. 7–18.
4. Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik 20. 1990. S. 88–99.
5. Белоглазова Е.В. Полидискурс в системе коммуникативной иерархии: к определению понятий // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2007. Вып. 11. С. 222–230.
6. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
7. Шевченко В.Д. Интерференция ораторского и публицистического дискурсов // Система языка и дискурс: Междунар. сб. науч. ст. / Отв. ред. С.И. Дубинин. Самара: Самарский университет, 2007. С. 91–103.
8. Maingueneau D. Analyzing self-constituting discourses // Discourse studies, Londres, Sage Publications. 1999. Vol. 1(2). P. 175–199.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГТУ, 1995. С. 35–73.
10. Ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познавание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 111–160.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. М.: Рус. яз., 1992. Т. 2. 1229 с.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2009 г.